

Дочка Мартена. Ги де Мопассан

Это случилось с ним в воскресенье, после обедни. Выйдя из церкви, он проторенной дорогой направлялся к дому, как вдруг увидал впереди дочку Мартена, которая тоже шла домой.

Рядом с нею степенной походкой зажиточного фермера выступал отец. Он был не в крестьянской блузе, которую презирал, а в серой суконной куртке и в котелке с большими полями.

Широкоплечая, с тонкой талией, туго затянутая в корсет по случаю воскресного дня, девушка держалась очень прямо и на ходу слегка покачивала крутыми бедрами.

Из-под шляпы с цветами, сделанной на заказ у модистки в Ивето, виднелись ее крепкая, круглая, гибкая шея и завитки волос, порыжевшие от солнца и ветра.

Бенуа видел сейчас только ее спину, но он хорошо знал ее в лицо, хотя до сих пор не обращал на нее особого внимания.

И вдруг он подумал: «Ах, черт побери! Какая красавица дочка Мартена!» Он смотрел ей вслед, восхищаясь, испытывая внезапное и страстное влечение. Ему даже не хотелось, чтобы она обернулась, нет! Он не отрывал глаз от ее фигуры и без конца повторял про себя: «Какая красавица, черт побери!»

Дочка Мартена свернула направо, к «Мартиньере», ферме своего отца, Жана Мартена, и тут оглянулась. Она увидела Бенуа, и он показался ей каким-то странным. Она крикнула ему: «Здравствуйте, Бенуа!» Он ответил: «Здравствуйте, мамзель Мартен! Здравствуйте, дядюшка Мартен!» И пошел дальше.

Когда он пришел домой, на столе уже стоял суп. Он сел напротив матери, рядом с работником и поденщиком, а служанка побежала нацедить сидра.

Он проглотил несколько ложек, потом отодвинул тарелку. Мать спросила:

— Ты что, уж не захворал ли?

Он ответил:

— Нет. У меня живот раздулся, как барабан, оттого и есть не хочется.

Он смотрел, как едят остальные, время от времени отрезал себе кусок хлеба, задумчиво подносил его ко рту и медленно жевал. Он думал о дочке Мартена: «Что ни говори, красивая девушка». И как он не замечал ее до сих пор? Это нашло на него вдруг, да с такой силой, что он даже аппетит потерял.

До жаркого он не дотронулся. Мать уговаривала его:

— Да ну же, Бенуа, съешь хоть кусочек! Ведь это бараний бок, тебе от него сразу полегчает. Когда нет аппетита, надо есть через силу.

Он съел несколько кусков и снова отодвинул тарелку. Нет, ничего не шло в горло, решительно ничего.

После обеда он решил обойти свои владения и отпустил поденщика, пообещав, что по дороге сам загонит скотину.

По случаю воскресенья в полях было пусто. Кое-где, развалясь среди клевера под палящим солнцем, сытые коровы лениво пережевывали жвачку. Плуги праздно лежали на краю пашни, и взрыхленная, готовая к посеву земля широкими темными квадратами выделялась среди недавно сжатых пожелтевших полос, где еще торчали короткие стебли ржи и овса.

Осенний, резкий ветер дул над равниной, обещая прохладу вечером, после заката. Бенуа присел на краю овражка, положил шляпу на колени, словно ощущая потребность освежить голову, и сказал вслух среди безмолвия полей:

— Да уж, красивая девушка, ничего не скажешь.

Ночью, лежа в постели, он все еще думал о ней, думал и утром, когда проснулся.

Он не был грустен или недоволен, — он и сам не мог бы сказать, что с ним такое. Что-то захватило его, всколыхнуло его душу, какая-то мысль не давала ему покоя и словно щекотала сердце. Так иногда залетит в комнату большая муха. Она летает, жужжит, и этот шум надоедает, досаждаст вам. Вот, кажется, затихла, вы уже забыли о ней; но нет, она начинает снова, и вы снова поднимаете голову. Вы не можете ни поймать ее, ни выгнать, ни убить, ни утихомирить. Посидит, посидит — и опять примется жужжать.

Так вот, воспоминание о дочке Мартена тревожило ум Бенуа, как эта назойливая муха.

Потом ему захотелось еще разочек взглянуть на нее, и он принялся ходить вокруг «Мартиньеры». Наконец он увидел девушку: она развешивала белье на веревке, протянутой между двух яблонь.

Было жарко. Она стояла в одной рубашке, в короткой юбке, и ее крутые бедра отчетливо обрисовывались всякий раз, как она поднимала руки, чтобы повесить на веревку полотенце.

Он сидел больше часа, притаившись во рву, сидел даже после того, как она ушла. И вернулся домой, еще сильнее одержимый ею, чем

прежде.

Целый месяц он был весь полон мыслью о ней, вздрагивал, когда кто-нибудь произносил при нем ее имя. Совсем перестал есть и не спал ночами, обливаясь потом.

По воскресеньям, во время обедни, он не спускал с нее глаз. Она заметила это и начала ему улыбаться, польщенная таким вниманием.

И вот однажды вечером он случайно встретился с ней на дороге. Увидев его, она остановилась. Тогда он подошел прямо к ней, задыхаясь от страха и волнения, но твердо решив объясниться. Он начал, запинаясь:

— Послушайте, мамзель Мартен, так не годится.

Она ответила, словно подсмеиваясь над ним:

— Что, Бенуа? Что не годится?

— Да то, что я думаю о вас и днем и ночью, — вот что.

Она сказала, подбоченясь:

— А я вас не заставляю.

— Нет, заставляете. Ведь я из-за вас ни спать, ни есть не могу, покоя не знаю.

Она спросила тихонько:

— Так что ж делать-то?

Он растерялся и стоял молча, растопырив руки, вытаращив глаза, разинув рот.

Она хлопнула его по животу и убежала.

С этого дня они начали встречаться где придется — у овражков, на тропинках или же, под вечер, в поле, когда он возвращался с лошаадьми, а она загоняла в хлев своих коров.

Он чувствовал, что неодолимая сила влечет его к ней, он тянулся к ней душой и телом. Ему хотелось сжать ее в объятиях, задушить, проглотить, сделать так, чтобы она стала частью его самого. И он содрогался от сознания своей беспомощности, от нетерпения, от ярости при мысли о том, что она не принадлежит ему всецело — так, словно она и он одно существо.

В деревне уже начали поговаривать о них. Считали женихом и невестой. Он и в самом деле спросил ее как-то, хочет ли она быть его женой, и она ответила: «Да».

Они ждали лишь случая, чтобы поговорить с родителями.

Но вот она вдруг перестала приходить на свидания. Он больше не видел ее и во дворе, хотя подолгу бродил вокруг фермы. Ему удавалось взглянуть на нее лишь в церкви, по воскресеньям. А в одно из воскресений, после проповеди, кюре объявил с амвона об обручении Виктории-Аделаиды Мартен с Жозефеном-Изидором Валленом.

Бенуа почувствовал, как у него похолодели руки, словно от них отлила вся кровь. В ушах у него шумело, он ничего больше не слышал; придя в себя, он заметил, что плачет, уткнувшись в молитвенник.

Целый месяц не выходил он из дому. Затем снова принялся за работу.

Но он не излечился, нет, он не переставал думать о дочке Мартена. Чтобы не видеть даже деревьев, которые росли у нее во дворе, он избегал ходить мимо ее дома и по два раза в день, утром и вечером, делал из-за этого большой крюк.

Она была теперь замужем за Валленом, самым богатым фермером во всем кантоне. Бенуа перестал разговаривать с ним, хотя они дружили с самого детства.

Как-то вечером, проходя мимо мэрии, Бенуа узнал, что дочка Мартена беременна. Это известие не только не огорчило его, но, напротив, даже доставило ему некоторое облегчение. Теперь все кончено, по-настоящему кончено. Это больше разъединило их, чем ее замужество. Право же, так лучше.

Шел месяц за месяцем. Иногда Бенуа видел, как она проходила по деревне отяжелевшей поступью. Заметив его, она краснела, опускала голову и ускоряла шаг. А он сворачивал в сторону, чтобы только не столкнуться с ней, не встретиться взглядом.

И он с ужасом думал, что в любой день они могут очутиться лицом к лицу, и ему поневоле придется заговорить с ней. Что он скажет ей теперь, после всего того, что говорил прежде, держа ее руки и целуя волосы у висков? Он все еще часто вспоминал их встречи где-нибудь на краю рва. Нехорошо было с ее стороны поступить так после стольких обещаний.

Однако мало-помалу горечь уходила из его сердца. Оставалась только грусть. И вот как-то раз он снова пошел своей прежней дорогой, мимо ее фермы. Он издали увидел крышу ее дома. Вот здесь, здесь она живет с другим! Яблони стояли в цвету, петухи пели на навозной куче. В доме, как видно, никого не было; все ушли в поле, на весенние работы. Он остановился у забора и заглянул во двор.

Возле конуры спала собака, трое телят один за другим брели к луже. У ворот толстый индюк распустил хвост и важно разгуливал, красуясь перед индюшками, словно оперный певец на сцене.

Бенуа прислонился к столбу и почувствовал, что ему снова хочется плакать. Но вдруг из дома до него долетел крик, громкий крик о помощи. Он растерялся и стал прислушиваться, судорожно вцепившись в перекладину забора. Новый крик, протяжный, отчаянный, вонзился ему в уши, в сердце, в тело. Это кричала она! Он бросился вперед, пробежал через лужайку, толкнул дверь и увидел ее: бледная, как смерть, с блуждающим взглядом, она корчилась на полу в родовых схватках.

Он остановился на пороге, побледнев и дрожа сильнее, чем она.

— Это я, я тут, — пролепетал он.

Она проговорила, задыхаясь:

— Ох, не уходи, Бенуа, только не уходи!

Он смотрел на нее и не знал, что сказать, что сделать.

Она снова закричала:

— Ох! Ох! Мочи моей нету! Бенуа!

У нее снова начались схватки.

И вдруг его охватило страстное желание помочь ей, успокоить ее, облегчить ее муки. Он нагнулся к ней, поднял, уложил на кровать. Она все стонала. Он раздел ее, снял с нее кофту, платье, юбку. Она кусала себе пальцы, чтобы не кричать. И он помог ей, как привык помогать животным — коровам, овцам, кобылам: принял у нее крупного крикливого малыша.

Он обтер его, завернул в тряпку, которая сушилась перед очагом, и положил на кучу белья, приготовленного для глаженья на столе. Затем вернулся к роженице.

Перенес ее на пол, чтобы сменить простыни, и опять уложил в постель. Она прошептала:

— Спасибо, Бенуа, ты добрая душа.

И всплакнула, словно пожалев о чем-то.

А он — он уж не любил ее больше, совсем, совсем не любил. Все было кончено. Почему? Каким образом? Он не понимал и сам. То, что произошло сейчас, излечило его лучше, чем могли бы излечить десять лет разлуки.

Измученная, вся дрожа, она спросила:

— Девочка или мальчик?

Он спокойно ответил:

— Девочка, и складная такая!

Они помолчали. Потом слабым голосом мать попросила:

— Покажи мне ее, Бенуа.

Он взял малютку на руки и, держа ее, словно причастие, поднес матери, как вдруг дверь открылась и вошел Изидор Валлен.

В первую минуту Изидор не понял, что произошло; потом вдруг догадался.

Бенуа сконфуженно бормотал:

— Иду это я мимо... иду мимо... и вдруг слышу — она кричит. Ну, я и вошел... Вот твой ребенок, Валлен!

Муж со слезами на глазах повернулся к Бенуа, взял маленькое, беспомощное создание, поцеловал его, постоял несколько секунд, задыхаясь от волнения, потом положил ребенка на кровать и протянул Бенуа обе руки.

— Дай руку, Бенуа, дай руку! Теперь между нами все сказано, верно? Хочешь, будем друзьями, настоящими друзьями, а?..

И Бенуа ответил:

— Как не хотеть, понятно, хочу!

Примечания

Новелла напечатана в «Жиль Блас» 16 июня 1885 года.